

РЯДОМ С ИНТЕРЕСНЫМ СОБЕСЕДНИКОМ

Николай ОЗЕРОВ:

„МХАТу Я ОБЯЗАН ВСЕМ“

Аркадий ГАЛИНСКИЙ

— Николай Николаевич, вы ли это?

Озеров (счастливо смеясь):

— Я...

— Но возможно ли такое?

— Как видите, возможно...

Так начался наш разговор, заранее обусловленный тем, что идти он должен был под магнитофон (этот уговор выдержан) и длиться из-за заданных редакцией размеров не более двадцати минут, чтобы затем во всей своей естественности лечь на газетную полосу (это условие тоже соблюдено). И у меня в свою очередь была подготовлена целая программа вопросов — как вдруг все сломалось!

Впрочем, вы все поймете, если я скажу, что, в общем-то давние знакомые и даже приятели, мы с Озеровым не виделись почему-то около двух месяцев, и вот по прошествии их Озеров предстает передо мною таким, каким я знал его в молодости, в лучшие его спортивные годы! Иными словами — четверть века назад. Нынче же похудевшему, подтянутому, стройному Озерову не хватало, кажется, только ракетки, а по ту сторону корта — самого сильного соперника...

— Бог мой, но ведь сколько же это килограммов уплыло?

— Двадцать с хвостиком.

— Но каким же образом?

— Надоели они мне. Невмогуто стало полнеть. Тут ведь, знаете, только начни...

— Нескромный вопрос: а как и почему вы начали полнеть? Такой спортсмен!

— Я, наверно, от рождения predisposed к полноте, а нагрузки, хоть я и продолжал активно выступать до 1953 года, постепенно снижались. Тут было по крайней мере два момента. Во-первых, начиная с 1950 года я уже интенсивно работал на радио (и продолжал работать во МХАТе) и, следовательно, участвовал в меньшем числе состязаний, чем мог и хотел. Во-вторых, брали свое и сами годы. Они ведь исподволь отбирают у спортсмена прежде всего то, что зовется «скоростной выносливостью», и если убьедь ее компенсируется опытом, то есть исключительной рациональностью, экономностью движений и перемещений — ветераны продолжают по-прежнему быть грозой соперников. Для меня же эта необходимая экономия оборачивалась, увы, прибавкой в весе. И потом, вы знаете ведь, спортсмен должен в пору активных выступлений и соответственно питаться, калорийно-то улетучивается много. Порою из-за неразрешимости этих конфликтов я просто по-настоящему страдаю...

— Но теперь они разрешены — опять-таки за счет страданий? Вы перестали есть? Голодаете?

— Отнюдь. Просто перешел на строжайшую специальную диету с разгрузочными днями и, кажется, уже к ней привык. Однако это, наверно, совсем уж скучная тема.

— Не скажите: наше интервью прочтут ведь и иные полные, тучные люди. Скорее всего, вам не миновать теперь их распросов.

— Однако же я не врач-диетолог и сам пользовался услугами Института питания!

— Но результаты, воодушевляющие результаты! Впрочем, давайте, действительно закончим эту, так сказать, стихийно возникшую часть беседы чем-нибудь веселым. Во МХАТе вы и нынче ведь — Хлеб в «Синей птице»? А Хлеб — толстяк, и в костюмерной, помню, вас обкладывали ватными толщинками. Чуть ли не в пуд весом...

— Ровно в пуд, шестнадцать килограммов ваты.

— Нынче же ее уйдет на вас гораздо больше!

— В самом деле. Как-то даже не думал! Но ничего, перенесем...

— Николай Николаевич, если не ошибаюсь, вы сейчас — единственный, если можно так выразиться, нештатный, приглашенный актер МХАТа?

— Да, это так, но, поверьте, я не склонен переоценивать своей роли в жизни театра: это объясняется исключительно благоволением ко мне за безусловную мою преданность МХАТу, преданность каждую минуту, каждый день. Ему я обязан всем!

— Даже спортивными успехами?

— И этим!

— ?!

— О, в таком случае вы не представляете себе, что такое МХАТ спортивный! Теперь, знаете ли, самое понятие «спортивности» подчас деформировано. Разве мы не наблюдаем иной раз на соревнованиях нечто такое, что формально хоть и именуется участием в спорте, но фактически является едва ли не противоположным его духовному началу? В коллективе же МХАТа всегда были (и нынче есть) истинные спортсмены, истинные любители Спорта. (Если интервью будет напечатано, попросите редакцию начать эти слова с большой буквы). Спорт — это не только школа физических упражнений, атлетизма, но и школа джентльменства, а поэтому всегда много значила для актеров МХАТа. Я мог бы назвать сейчас очень много имен, начиная с известнейших — покойного В. А. Вербицкого, который в свое время был чемпионом Москвы и одним из

сильнейших в СССР теннисистов, В. Я. Станицына — чемпиона СССР двенадцати годов по гребле на восьмерках, К. Н. Еланской — шахматстки первого разряда, М. Н. Кедрова, А. П. Кторовы, С. К. Блинникова, которые играли в молодости в первых командах лучших московских клубов, директора МХАТа К. А. Ушакова — участника I-й Всесоюзной спартакиады 1928 года, такого тончайшего знатока и ценителя спорта, как М. М. Яншин... Продолжать?

— Увы, мы ограничены временем, вернее, размерами интервью. Вернемся поэтому к актеру Озерову — самому знаменитому все-таки из спортивных чемпионов МХАТа...

— Ну что ж, если это так, то лишь благодаря тому, что мхатовцы всегда благосклонно смотрели на мое увлечение теннисом. К слову сказать, иные из моих театральных учителей полагали (и, я думаю, не без оснований), что спорт в определенном смысле — тоже школа артистизма. И мне всегда была близка именно такая трактовка роли спорта. Мои учителя, старшие товарищи и ровесники, наконец, мхатовская молодежь неизменно болели за меня, незримо присутствуя и тогда, когда я соревновался в других городах и за рубежом. Я же в свою очередь всегда помнил о них, помнил о том, что важны не сами победы, но прежде всего то, как они достигнуты...

— Ваша манера игры незабываема! У меня много знакомых, которые в сороковые — начале пятидесятых годов ходили на теннис. Им тогда увлекалась творческая интеллигенция, которая нынче, кажется, переключилась на хоккей. И мне не нужно напрягать память, чтобы перед глазами возникла картина корта, окруженного публикой, и Озерова с ракеткой... Ваша игра действительно доставляла публике истинно эстетическое наслаждение...

— Дорогой друг, благодарю вас! Но что скажет читатель? Мы ведь друзья, я не могу считать ваше мнение беспристрастным!

— Николай Николаевич, вы, на-

верное, забыли, что мы-то и познакомились после того, как я однажды подошел к вам и выразил восхищение вашей игрой! Но довольно элегий. Впрочем, сейчас, если вы заметили, снова все чаще и чаще говорю о зрелищности спорта, об артистизме спортсменов. Как вы понимаете это конкретно?

— Помните о том, что площадка, на которой вы играете, теннисная ли, футбольная, баскетбольная или хоккейная — это еще и сцена, ибо ее окружают зрители! И спортсмены должны оправдывать их надежду увидеть благородную, красивую борьбу. Вы знаете, меня порою просто угнетает, что иные спортсмены и даже команды в целом иногда забывают об этом. Очки, очки, очки... К примату очка, практицизму того, что любима команда должна добыть его во что бы то ни стало, привыкла, по чести говоря, уже и часть публики. В особенности на футболе. И это огорчает. Неужто спорт и болельщики и дальше будут двигаться в этом направлении?

— Вы ждете ответа на этот вопрос от меня? Но я сейчас — интервьюер, и поэтому, говоря языком тенниса, возвращаю мяч на вашу сторону...

— Я смотрю в будущее спорта довольно оптимистически. Стремление к артистизму, к романтике спортивной борьбы свойственно достаточно большому числу молодежи, и я думаю, что именно оно и победит. Меня радуют наши молодые теннисисты...

— А футбол?

— Думаю, что в конце концов и в нем уйдет в прошлое практицизм унылых ничьих, бескрылого оборончества, в принципе несвойственные самому духу советского спорта. Но вот что хочу подчеркнуть особо: красота борьбы, стремление к ней в силу внутренней потребности, во имя зрелищности — отнюдь не адекватны поражениям! Я убежден, например, что неудачи последних лет футбольной сборной СССР как раз и происходили из-за недооценки ее тренерами традиционного духа, стиля нашего спорта, а следовательно,

и футбола. Все эти подражания, вначале бразильцам, затем англичанам и не могли привести к добру. Конечно, учиться у чемпионов надо, но не копировать, не подражать. В спорте, как и в искусстве, надо искать и утверждать свое, естественное, органичное. И, говоря словами поэта, «ни единой долькой не отступаться от лица».

— А есть ли это лицо у нашей новой сборной?

— Трудно сказать. Верность ему выявляется лишь в самых трудных испытаниях, а у сборной все они еще впереди.

— Перейдем, если вы ничего не имеете против, к вашей работе радио- и телевизионного комментатора. Не припомните ли вы случая, когда вам пришлось труднее всего? Я знаю, что в Мехико вы спали урывками, двадцать дней не более четырех-пяти часов в сутки.

— Нет, в Мехико было все-таки полегче, чем в последний раз на хоккее в Стокгольме. Хотя бы потому, что в Мехико я то и дело переключался с одного вида спорта на другой, а тут все время хоккей, хоккей, хоккей... А быстрее хоккея в спорте, наверно, нет ничего. Зрительно-то приятно, а вот нашему брату, комментатору, каково?

— В самом деле, я читал в «Известиях», что в Стокгольме подчас в перерыве между периодами вы пельвино роняли голову на руки и засыпали.

— Было такое. Но, может быть, труднее всего соизмерять как-то интересы радио- и телеаудитории. Радиослушатели требуют безостановочно-пулеметной речи и словесного воссоздания рисунка игры, а людям, сидящим у телевизора, им подавай анализ ситуаций, углубленную характеристику игроков, подчеркивание переходов игры из одного ритма в другой! Одним нужны короткие, четкие, простые фразы, другим — сложносочиненные и сложноподчиненные. И все это о хоккее, две недели об одном хоккее! Да вы и сами тут, видимо, изрядно от него притомились?

— Ну, не будем все-таки сравнивать нашу усталость с вашей. Тут еще интересно вот что. Я помню ваши суждения о нашей хоккейной сборной перед ее отъездом на чемпионат мира, помню, что оно не изменилось и тогда, когда вы звонили мне из Стокгольма. Наконец, недавно в «Правде», в статье, написанной вами с двумя коллегами, вы вновь остались верны своей прежней точке зрения, критике тренеров. Однако уже не прошлое, а перспективы нашей хоккейной сборной — какими они видятся вам?

— У нас немало способных молодых игроков, подчас просто талантливых. Это главное. Но нужно уметь вводить их в сборную вовремя, а затем обкатывать, обыгрывать во встречах с самыми сильными зарубежными соперниками. Подчеркиваю — самыми сильными. Игра со слабыми командами для сборной страны не имеет, на мой взгляд, никакого смысла. Это касается, между прочим, и футбола. И еще надо сохранять в сборных полных сил и

опыта ветеранов, не торопиться сбрасывать их со счетов на основании одной лишь записи о возрасте в паспорте. Льва Яшина и сегодня не с кем сравнить. Но я, кажется, говорю об общеизвестном? Однако, сколь часто в спорте о нем забывают!

— Вспоминаю одну историю, которая произошла с вами...

— Какую?

— 1953-й год помните?

— Еще бы!

— Я знаю эту историю, так сказать, в общих чертах, схематично. Не расскажете ли подробнее?

— В 1953 году мне стукнул тридцать первый год, но я всегда придерживался строгого спортивного режима и чувствовал себя еще вполне молодым. Но некоторые спортивные руководители в один прекрасный день решительно списали меня, сочтя бесперспективным. А тут еще, как назло, навалилось очень много работы на радио, в театре, звукозаписи в фильмах, так что я и вовсе почти перестал тренироваться. Но, прибыв на теннисный чемпионат страны как комментатор (дело было в Киеве), почувствовал: нет, я должен, обязан играть! После некоторых трений меня все-таки допустили к играм. И вот я — то на корте, то у микрофона, не успев вытереть пот. Но в конце концов получилось, что и радио не было особенно ко мне в претензии (ведь я не вел только матчи с собственным участием), и чемпионом во всех разрядах, одиночном, парном и смешанном, тоже удалось выиграть...

— Вот это я уже хорошо помню. То были, наверно, лучшие дни вашей спортивной жизни?

— Как сказать. Обида на то, что меня все-таки списали до этого, не проходила. И я решил оставить большой теннис навсегда. Не для того, чтобы уйти красиво, непобежденным, нет. Просто у меня не было никаких гарантий насчет того, что такое отношение ко мне не может повториться. Ведь до победы в Киеве я тоже был чемпионом. Вот почему мне, кстати сказать, понравилось то, что вы и читатели «Советской культуры» писали недавно о Белоусовой и Протопопове — как раз тогда кое-кто в спортивных кругах поговаривал уже о том, что этим замечательным спортсменам настоятельно необходимо уйти. Во всяком случае, эта поддержка, позволив себе сказать, нашей газете (ведь я артист!) самим спортсменам, уверен, была необходима. К тому же они дарили и еще подарят людям столько красивого. Ведь это сама Майя Плисецкая сказала о них, что их спортивные выступления поднимаются до уровня настоящего искусства...

— Николай Николаевич, сожалею, но наше время истекает. Что бы вы хотели сказать в заключение читателям «Советской культуры»?

— Две вещи. Во-первых, отнюдь не казенные: «Благодарю за внимание». Во-вторых, — и самое главное, — что союз искусства и спорта необходим.